

УДК 316.7

Институт социального партнерства в государственно-конфессиональных отношениях постсоветской России

Н. С. Зимова, С. Д. Лебедев

*Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, г. Москва
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
г. Белгород*

Статья посвящена анализу концепции социального партнерства как одной из форм государственно-конфессиональных отношений современной России. Авторы рассматривают социальное партнерство сквозь призму теории социального пространства, выделяя агентов, их капитал и области взаимодействия.

Ключевые слова: государственно-конфессиональные отношения, социальное партнерство, социальное пространство, государственные, религиозные и общественные агенты, Русская православная церковь.

Последние двадцать лет Россия переживает интенсивные качественные преобразования общественной системы. Масштабные изменения в экономической, политической и социальной сферах, качественно преобразующие жизнь людей, их ценностные ориентации и идеологические предпочтения, вызвали радикальные трансформации во взаимоотношениях светских и религиозных институтов. Сегодня, в контексте укрепления социальных и политических позиций религиозных объединений, роста их влияния на различные сферы жизни общества, целесообразно говорить о складывании качественно новой системы институциональных отношений в конфессиональной сфере, ключом к пониманию которых выступает концепция социального партнерства.

Зародившийся в конце XIX – начале XX вв., данный тип социального взаимодействия рассматривался как технология регулирования отношений между властными структурами, работодателями и профсоюзами. Функциональным назначением партнерских отношений является реализация интересов сторон на взаимовыгодной основе. Представляется, что качественные признаки социального партнерства не привязаны жестко к социально-трудовым отношениям и, следовательно, аналогичную систему можно выстроить применительно к другим областям общественной жизни. На наш взгляд, механизмы социального партнерства являются действенными также применительно к интерпретации и регулированию государственно-конфессиональных отношений.

В качестве теоретической основы анализа социального партнерства целесообразно обратиться к категории «социального пространства», которая

дает возможность уйти от механистического понимания социальной структуры, предлагая рассматривать общество «не как жесткую, «твердую» систему, а, скорее, как «мягкое» поле взаимоотношений» [11, с. 27]. По определению П. Бурдьё, социальное пространство – это «ансамбль невидимых связей, тех самых, что формируют пространство позиций, внешних по отношению друг к другу, определенных один через другие, по их близости, соседству или по дистанции между ними, а также по относительной позиции: сверху, снизу, между или посередине» [1, с. 288].

Продолжая ход рассуждений П. Бурдьё, можно выделить в обществе специфическую область религиозных отношений и обозначить ее как особое социальное поле – относительно автономную «подсистему социальных отношений, структурированную оппозициями, обладающими неравными капиталами, которые являются средствами, направленными либо на сохранение, либо изменение структуры поля» [1, с. 148]. Поле религиозных отношений, как таковое, представляет собой фокус действий и противодействий различных агентов, которые, в соответствии с закономерностями и сложившимися правилами игры, борются за специфические выгоды (и, в некоторых ситуациях, борются за сами эти правила), являющиеся целями.

Обособление поля религиозных отношений позволяет акцентировать внимание на социальных агентах данного поля. Понятие «социальный агент» у П. Бурдьё отражает, в первую очередь, такие качества, как активность и способность действовать, быть носителем определенных практик и осуществлять стратегии, направленные на сохранение или изменение своей позиции в социальном пространстве [1, с. 19].

В поле религиозных отношений условно можно выделить три основные категории агентов:

- *государственные* агенты (или агенты государственной власти), к которым можно отнести уполномоченные государственные органы. На федеральном уровне в их число входят Президент РФ, Федеральное Собрание РФ, Правительство РФ, соответствующие министерства и ведомства. На уровне субъектов РФ – представительские и исполнительные органы, а также различные специализированные органы, обеспечивающие связь с религиозными объединениями;

- *религиозные (конфессиональные)* агенты, к которым относятся религиозные объединения (религиозные организации и группы определенных конфессий, их руководящие органы и управленческие структуры, монастыри, миссии, общины верующих, братства, сестричества), религиозные движения, конфессиональные СМИ, духовные учебные заведения, воскресные школы, различные фонды, а также верующие, священнослужители, проповедники и т. д.;

- *общественные* агенты – светские общественные объединения различных организационно-правовых форм (общественная организация, общественное движение, общественный фонд, общественное учреждение, орган общественной самодеятельности), светские СМИ, гражданские инициативы, академические институты и т. д.

Социальное партнерство может строиться исключительно на принципе взаимной выгоды; условия данного типа взаимодействия связаны с реальными и потенциальными потребностями субъектов во взаимодействии как таковом. Общим условием формирования системы социального партнерства является обоснование потребностей участников взаимодействия друг в друге. С этой целью каждого из рассматриваемых агентов необходимо охарактеризовать с двух позиций: во-первых, с позиции капитала, на который могут рассчитывать партнеры, а во-вторых, с позиции интересов, реализуемых каждым из них посредством других сторон.

Согласно теории П. Бурдьё, понятие «капитал» в его расширенной интерпретации включает в себя материальные ресурсы, блага и ценности, престижные в социальном плане, обладание которыми позволяет одним социальным агентам влиять на других. Соответственно, государство является наиболее влиятельным агентом поля религиозных отношений потому, что оно располагает разнообразными видами капитала. Если М. Вебер признавал за государством монополию на легитимное физическое насилие, то П. Бурдьё добавил к этому признаку фактор легитимного символического насилия, считая, что государство способно формировать и культивировать в обществе матрицу социального поведения (устойчивые принципы или схемы восприятия, оценивания, мышления), подобную собственной структуре [1, с. 108–109]. По мнению французского социолога, сила государства состоит именно в концентрации различных видов капитала, из которых формируется своеобразный метакapитал. Этот последний, в свою очередь, может быть свободно реконверсирован в любой из капиталов: экономический, культурный, социальный или символический.

Пожалуй, одной из ведущих сфер реконверсирования капиталов государства является нормотворческая деятельность. Данная функция государства имеет три стороны: издание законодательных актов, обеспечение их реализации и разрешение споров – в совокупности влияющие на религиозную ситуацию. В настоящее время достаточно активно распространена практика заключения соглашений о сотрудничестве между религиозными организациями и отдельными исполнительными органами государственной власти, как на федеральном, так и на региональном уровне. Активно обсуждается возможность законодательного закрепления социального партнерства между государством и религиозными объединениями [12, с. 131–191].

Таким образом, для обеспечения социального партнерства с религиозными организациями (в реальности – наиболее влиятельными организациями традиционных конфессий) государство делится с ними законодательным и административным капиталом. Государство вкладывает капитал в данные отношения, рассчитывая реализовать свои интересы, используя капитал религиозных агентов.

Религиозные агенты обладают культурно-символическим капиталом, который выступает как «совокупность культурных символов и архетипов, принципов общественной морали и норм поведения, основных элементов исторической памяти народа и форм государственного и общественного уст-

ройства, так или иначе укорененных в русской традиции» [9, с. 19]. Основным ресурсом культурно-символического капитала религиозных агентов является авторитет [5, с. 6–8], в основе которого лежат такие архетипы, как высшая справедливость, служение и т. д. Условно данный ресурс можно обозначить как метафизический авторитет, проистекающий из статуса религиозного института как посредника в отношениях земного с Божественным.

Религиозные организации, и в их числе Русская православная церковь (РПЦ МП), «находятся сегодня в уникальной исторической ситуации полной независимости от государства» [6, с. 116]. Принятые ведущими российскими религиозными объединениями социальные концепции являются наиболее полным сводом декларируемых принципов, норм и правил, определяющих их «габитус» как потенциальных социальных партнеров. Таковы «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» (2000 г.), «Основные положения социальной программы российских мусульман» (2001 г.), «Социальная позиция протестантских церквей» (2003 г.), «Основы социальной концепции иудаизма в России» (2002 г.) и др.

Взаимодействуя с государственной властью, РПЦ МП, как наиболее крупное и авторитетное в стране религиозное объединение, предоставляет ей следующие виды капитала:

1. Укрепление легитимности власти как внутри страны, так и во внешнеполитических отношениях. Многовековая российская традиция восприятия РПЦ как института, дающего высшую санкцию на власть, сказывается и в наши дни. В 1996 г. благословение Патриарха вновь вступающему в должность Президенту было внесено в официальный церемониал инаугурации. В 2000, 2004, 2008 гг., сразу после официальной церемонии вступления в должность президента, в Архангельском соборе – домовом храме московских царей, Патриарх Алексей II служил молебен в честь вступления в должность. Здесь используется символический и отчасти культурный капитал Церкви.

2. Укрепление имиджа власти элементами «православной религиозности». Власти нуждаются в данной разновидности социального капитала по двум причинам. Во-первых, кризис публичной «общечеловеческой» неограниченно-либеральной риторики внутри страны сопровождается переориентацией на умеренные консервативные ценности. Во-вторых, геополитические интересы предполагают поиск такой условно-символической платформы, на которой Россия и Запад могли бы выступать как равноправные партнеры. Обе эти тенденции, ориентированные, соответственно, на внутреннее и внешнее политическое пространство, отчетливо просматриваются в сфере массмедийной стратегии экспонирования власти и используют самые поверхностные ресурсы символического капитала РПЦ.

3. Мироззренческие ценности РПЦ, которые призваны лечь в основу интегративной национальной (мета) идеологии. По своему функциональному назначению эта идеология призвана консолидировать общество, в противоположность процессам катастрофической социально-экономической дифференциации и разрушения прежней советской системы ценностей. Здесь речь идет об актуализации глубинных слоев культурного капитала Церкви, бази-

рующегося на общности ценностных архетипов религиозной культуры православного христианства и значительного пласта светской российской культуры [10, с. 97].

4. Партнерство с государством в области социальной политики. Авторитет церкви и ее практические действия в данной сфере могли бы смягчить социальную напряженность в обществе. Демографические проблемы, борьба с бездуховностью, особенно в молодежной среде, патриотическое воспитание, многие аспекты социального обеспечения – вот проблемы, ответственность за разрешение которых государство может разделить с религиозными организациями. В данном случае в действие вступает социальный и отчасти символический капитал Церкви.

Интересы, реализуемые Церковью в отношениях с государством, выявляет анализ «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви». Эти интересы можно сгруппировать по трем категориям:

1. Поддержание церковной свободы и автономности. Церковь ожидает от государства уважения к ее каноническим нормам и иным внутренним установлениям. Государство не должно вмешиваться в жизнь Церкви, в ее управление, вероучение, духовническую практику и т. д. [7, с. 13].

2. Рост церковного влияния и авторитета в обществе, который, в частности, обеспечивается созданием новых приходов и строительством храмов, взаимодействием с органами образования и созданием самостоятельных духовно-просветительских центров, благотворительной деятельностью, «сотрудничеством» с государством, выполнением ряда социальных функций и т. д. Кроме того, в разделе III.8 рассматриваемого документа при перечислении областей «сотрудничества» церкви с государством, в пункте (р) предполагается «противодействие деятельности псевдорелигиозных структур, представляющих опасность для личности и общества» [7, с. 23].

3. Накопление и консолидация материальной базы. Проанализировав выступления представителей Московской патриархии, можно выделить такие материальные притязания РПЦ МП, как: поступательный льготный выкуп зданий и земель по согласованному с Правительством списку, ресурсная поддержка ряда церковных проектов социальной направленности. Среди наиболее актуальных замыслов Патриархии чаще всего называют создание новых институтов социальной работы, развитие богословского образования, международную деятельность в интересах укрепления имиджа России в мировом сообществе [2].

Социальным капиталом общественных агентов является легитимация, причем размер этого капитала в сумме более значителен, чем тот, что может предложить государству Церковь. Агенты легитимации действуют на нескольких уровнях. «Низовой» уровень агентов легитимации – массовые общности. Условно этот уровень можно назвать «социальным». Сила и влияние таких агентов обусловлены их массовостью; в то же время они в большой степени подвержены манипулятивным практикам. На втором уровне действуют агенты легитимации институционально-корпоративного характера. Они не отличаются массовостью, но обладают такими важными качествами, как

сплоченность и четкая артикуляция своих интересов, и таким ресурсом, как влияние. Это влияние выражается в их способности достигать своих целей опосредованно, используя финансы, «административный ресурс», средства массовой коммуникации и т. д. И, наконец, персональный уровень агентов легитимации включает наиболее влиятельных лиц, от мнения, поддержки и участия которых зависит поддержка сообществом конкретного властного института или организации [8, с. 79–81].

Определяя позиции и интересы общественных агентов, отметим, что ряд авторов отмечают их слабость в процессах государственно-конфессионального взаимодействия. Так, С. Н. Градировский считает, что «ни академические, ни правозащитные, ни масс-медийные структуры не участвуют в полной мере в формировании конфессиональной политики, они лишь так или иначе относятся к тому, что формируется другими, лелея надежду, что их мнение сможет оказать влияние на разрешение спорных ситуаций» [3, с. 4–5]. Для объяснения и оправдания сложившейся системы, как правило, приводят аргумент о «недоразвитости» гражданского общества в России. В демократических странах ткань гражданского общества соткана из многочисленных и разнообразных неправительственных организаций, профессиональных объединений, творческих ассоциаций, общественных движений, социальных ячеек, которые несут заряд общественной энергии, направленный на решение сложных проблем. В России эта традиция «солидарности снизу» исторически очень слаба. «Повседневные большие общности... не носят надличного, “объективного” характера и потому не имеют обобщенного символического самоопределения» [4, с. 17].

Изменить положение дел можно путем укрепления позиций уже существующих и вновь создаваемых общественных агентов, при этом каждому из них придется учиться выстраивать отношения друг с другом, вести дискуссию, выходить в открытую сферу публичного пространства. По мнению С. Н. Градировского, самостоятельными субъектами конфессиональной политики, помимо государства и религиозных объединений, могут стать: религиозная журналистика; академические структуры, связанные с преподаванием религиозных дисциплин; адвокатура, отстаивающая права верующих в случае их нарушения; экспертные советы; межрелигиозные советы; международные организации, а также различного рода ассоциации и объединения верующих [4, с. 117].

Согласно концепции социального партнерства, необходимо очертить области взаимодействия, в которых имелись бы общие задачи для каждого актора. Среди таких областей традиционно выделяются социальная работа, благотворительная деятельность, реализация общественно-значимых культурно-просветительских программ. Помимо этого, ряд областей государственно-конфессионального взаимодействия отмечен в уже упоминавшихся социальных концепциях религиозных объединений. Так, в Основах социальной концепции Русской православной церкви указаны следующие области сотрудничества [7, с. 13]: миротворчество на международном, межэтническом и гражданском уровнях; забота о сохранении нравственности в общест-

ве; духовное, культурное, нравственное и патриотическое образование и воспитание; охрана, восстановление и развитие исторического и культурного наследия; труды по профилактике правонарушений, попечение о лицах, находящихся в местах лишения свободы; наука, включая гуманитарные исследования; здравоохранение; поддержка института семьи, материнства и детства и т. д.

В то же время существуют области, в которых священнослужители и канонические церковные структуры не могут оказывать помощь государству, сотрудничать с ним. Это политическая борьба, предвыборная агитация, кампании в поддержку тех или иных политических партий, общественных и политических лидеров, ведение гражданской войны и т. д.

Принятие Федерального закона от 5 апреля 2010 г. № 40-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций» также расширяет сферу социального партнерства, так как религиозные организации признаются социально ориентированными некоммерческими организациями. Как отметил Святейший Патриарх Кирилл, принятие закона является важным шагом в процессе развития социального партнерства и свидетельством признания той большой работы, которую Русская православная церковь и другие традиционные религии России осуществляют в социальной области.

В качестве примера социального партнерства в государственно-конфессиональных отношениях можно привести подписание в апреле 2010 г. в Челябинске соглашения о социальном партнерстве между Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кириллом и Полномочным представителем Президента Российской Федерации в Уральском федеральном округе Н. А. Винниченко. Впервые документ такого рода имеет всеобъемлющий характер и официально называется «Соглашением о социальном партнерстве». Особенность этого документа состоит в том, что он затрагивает большое количество сфер общественной жизни, охватывая вопросы укрепления нравственных, семейных, общественных, гражданских и патриотических ценностей, развития милосердия, сохранения объектов исторического и культурного наследия, укрепления безопасности и стабильности общества, созидания морального духа и авторитета воина – защитника Отечества, развития научных исследований. Очень важно отметить, что в «Соглашении ...» предлагается содействовать заключению и реализации других региональных соглашений между епархиями Русской православной церкви, с одной стороны, и органами исполнительной власти, органами местного самоуправления, государственными и муниципальными учреждениями российских регионов – с другой.

1. Бурдьё П. Начала. Choses dites / П. Бурдьё. – М. : Socio-Logos, 1994. – 288 с.

2. Выступление митрополита Волоколамского Илариона на втором православно-католическом форуме на тему: «Государство и Церковь в России:

1. Bourdieu P. Choses dites / P. Bourdieu. – Paris : Minuit, 1987. – P. 19.

2. Speech by metropolitan Hilarion of Volokolamsk on the second orthodox-catholic forum on the theme: «the Church and the State in Russia: a 20-year

- 20-летний опыт взаимоотношений» (19 октября 2010 г., о. Родос, Греция) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.mospat.ru/ru/2010/10/20/news28372/>
3. *Градировский С.* Противоречия статусности религиозных организаций и объединений / С. Градировский, Е. Малахова // Преодолевая государственно-конфессиональные отношения : сб. ст. – Н. Новгород, 2003. – С. 4–5.
4. *Дубин Б. В.* Симулятивная власть и церемониальная политика. О политической культуре современной России // Вестн. общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2006. – № 1 (81). – С. 17.
5. *Зайченко А.* Авторитет как политический ресурс церкви // Религия и право. – 2003. – № 4. – С. 6–8.
6. *Костюк К. Н.* Возникновение социальной доктрины Русской православной церкви // Общественные науки и современность. – 2001. – № 6. – С. 116.
7. Основы социальной концепции Русской Православной церкви // Информ. бюл. Отдела внешних церковных связей Моск. Патриархата (спец. вып.). – М., 2000. – № 8. – С. 13.
8. *Реутов Е. В.* Церковь как агент легитимации региональной политической системы // Светско-религиозное взаимодействие в изменяющейся России : материалы Всерос. науч. конф. (Белгород, 6–7 октября 2004 г.). – Белгород, 2005. – С. 79–81.
9. *Солдатов А.* Священный «капитал» и его «олигархи» // Отечественные записки. – 2001. – № 1. – С. 19.
10. *Семенов В. Е.* Российская плиментальность и социально-психологическая динамика на перепутье эпох: Избранные научные работы (1971–2007 гг.) / В. Е. Семенов. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. – С. 97.
11. *Штомпка П.* Социология социальных изменений / П. Штомпка. – М., 1996. – С. 27.
12. Социальное партнерство государства и религиозных организаций : монография / В. И. Якунин и др.]. – М. : Науч. эксперт, 2009. – С. 131–191.
- experience of relations» (19 October 2010., of Rhodes, Greece). [On-line resource]. – URL: <http://www.mospat.ru/ru/2010/10/20/news28372/>
3. *Gradirovsky C.* Contradictions of the status of the religious organizations and associations / С. Gradirovsky, E. Malakhova // Overcoming of state-confessional relations: collection of articles. MR. – Novgorod, 2003. – P. 4–5.
4. *Dubin B.V.* Power and ceremonial policy. On the political culture of the modern Russia // the Bulletin of public opinion. Data. The Analysis. The Discussion. – 2006. – N 1 (81). – P. 17.
5. *Zaichenko A.* Authority as a political resource of the church // Religion and law. – 2003. – N 4. – P. 6–8.
6. *Kostyuk K. N.* The emergence of the social doctrine of the Russian orthodox church // Public sciences and modernity. – 2001. – N 6. – P. 116.
7. The foundations of the social concept of the Russian Orthodox church // Information bulletin of the Department for external church relations of the Moscow Patriarchate (special issue). M., 2000. – N 8. – P. 13.
8. *Reutov E. V.* The church as an agent of legitimation of the regional political system // Secular-religious interaction in changing Russia: proceedings nach. konf. (Belgorod, 6–7 October 2004). – Belgorod, 2005. – P. 79–81.
9. *Soldatov A.* The sacred «capital» and the «oligarchs» // Otechestvennye zapiski. – 2001. – N 1. – P. 19.
10. *Semenov V. E.* Russian mentality and socio-psychological dynamics at the crossroads of epochs: Selected scientific works (1971–2007) / V. E. Semenov. – SPb. : Izd-vo St.-Petersb. un-ta, 2008. – P. 97.
11. *Shtompka P.* Sociology of social changes / P. Shtompka. – M., 1996. – P. 27.
12. Social partnership of the state and religious organizations. Monograph / V. I. Yakunin [etc.]. – M. : Scientific expert, 2009. – P. 131–191.

The Institute of Social Partnership of the State-Confessional Relations in the Post-Soviet Russia

N. S. Zimova, S. D. Lebedev

National Research University of Belgorod State University, Belgorod

Saint-Tikhon Orthodox University

The article examines the concept of social partnership as one of the forms of state-confessional relations in modern Russia. The authors consider the social partnership throughout the theory of social space, allocating agents, their capital and the interaction areas.

Key words: church-state relations, social partnership, social space, state, religious and public agents, the Russian Orthodox Church.

Зимова Наталья Сергеевна – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры общей социологии Православного Свято-Тихоновского университета, 109651, г. Москва, тел. 8(495)6467123, e-mail: nzimova@mail.ru

Zimova Natalya Sergueevna – Candidate in Social Sciences, Senior lecturer of the Department of General sociology, the Saint-Tikhon Orthodox University, 109651, Moscow, phone 8(495)6467123, e-mail: nzimova@mail.ru

Лебедев Сергей Дмитриевич – кандидат социологических наук, профессор кафедры социологии и организации работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета, 308036, г. Белгород, пер. Юрьевский, 4, тел. 8(4722)53-63-97, e-mail: serg_ka2001-dar@mail.ru

Lebedev Serguey Dmitriyevich – Candidate in Social Sciences, Professor of the Department of Sociology and organization of work with youth, the Belgorod State University for National Research, 308036, Belgorod, Yurievskiy Al., 4, phone 8(4722) 53-63-97, e-mail: serg_ka2001-dar@mail.ru